

069

„КНИЖНЫЙ УГОЛ“

КРИТИКА — БИБЛИОГРАФИЯ
ХРОНИКА

л 2-7

1918-21

Издательство
„ОЧАРОВАННЫЙ СТРАННИК“
Петербург.
1918.

„КНИЖНЫЙ УГОЛ“.

№ 2.

СОДЕРЖАНИЕ:

От редакціи.

Виктор Ховин: За прилавком.

Александр Слонимсній. Мнимые стихи Пушкина.

Борис Эйхенбаум. Иллюзія сказа.

Димитрій Крючков. Московское любомудріе.

Николай Долгов. Новое о театрѣ.

Виктор Ховин. Безотвѣтные вопросы.

Александр Поляков. Наш современник.

О. Брик. Неумѣстное политиканство.

Натан Венгров. Пыжики.

Литературная хроника.

Библиографія.

От редакціи.

Редакція «Книжнаго Угла» считает нужным пояснить, что оставаясь близкой тому движенію, которое было названо футуризмом, и будучи своими симпатіями на сторонѣ «молодежи в искусствѣ», она публикует в настоящем, и будет публиковать в дальнѣйшем, статьи во многих отношеніях ей чуждыя.

Происходит это потому во первых, что поток самых необычайных событій, начиная с войны и кончая нелѣпцами наших дней, прервал развитіе нарождавшагося футуризма и помѣшал об'единенію вѣрных бунтарству, с другой же стороны выдвинул цѣлый ряд задач совершенно неожиданных, главное же—выдвинул их настолько остро и в таких нелѣпых комбинаціях, что многое стало второстепенным, а судьбы Россіи, ея настоящее и будущее, породили совершенно неожиданныя взаимоотношенія, сдѣлав из недавних единомышленников—врагов и об'единив в общих задачах людей инако-мыслящих и так недавно враждебных друг-другу.

За прилавком.

II.

От тихих дѣвушек, безысходной мечтательностью исходящих, от изысканно эстетизирующих людей, украшающих свою пустую, бездѣятельную жизнь лоскутами красоты, от всѣх этих пережитков и наслѣдія эпохи, декадансом прозванной, невольно мыслью возвращаешься к находчивости того молодца, который, вот, уже много лѣтъ тому назад, в вѣкъ побѣдоноснаго расцвѣта блестящей эстетической культуры, неожиданно для всѣх, провозгласил свое знаменитое:

„Дыр бул щыл»...

Или другого, который, вопреки всѣм утонченным правилам изысканных верниссажей, эпатировал на одном из

них собравшихся там эстетных чучел ни то морковью, ни то столовой ложечкой в петлицѣ—сейчас не помню.

Неумно?

Не остроумно?

— Не знаю, но только знаменательно,—это навѣрное, а главное необходимо, тогда было необходимо.

Вот, Андрей Бѣлый в № 2 „Нашего Пути“ кается, что „долго обманывал он читателя, преподнося ему утонченія контрапунктов из образов и красиво отдѣланных фраз“ и „не будучи в состояніи вскрыть своей подлинной точки, заговаривал зубы себѣ самому“.

И даже больше: дарованіе, которое чтит в нем читатель—„фальш, которою мы себя обманываем и закрываем возможность в себѣ стать людьми; убиваем младенца в себѣ, точно воины Ирода“.

Значит и „дыр бул щыл“, и морковка или ложечка чайная в петлицѣ,—вовсе уж не так неумно, как казалось.

Это уж тогда пришел долгожданный младенец, поразившійся „фальшю талантов“, ничего не понявшій в утонченіях контрапунктов из образов и красиво отдѣланных фраз, над которыми, глубокомысленно разбирая іероглифы, сидѣло цѣлое поколѣніе геморроидальных молодых людей.

— Я стану писать, как.. сапожник „негодными средствами“,—заявляет А. Бѣлый в покаяніи своем.

Совсѣм как один футурист, доказывавшій, что написанное должно звучать, как скрип немазанных колес телѣги.

Но не поздно-ли для А. Бѣлаго?

Младенец футурист успѣл уже вырасти, не загубив в себѣ «младенца», не заговарив себѣ и другим зубы утонченіем контрапунктов из образов и всего прочаго.

Но Бѣлому ли, заматерѣвшему в словоблудѣ, давно уже раздавленному „полновѣсными кирпичами спеціальных изслѣдованій“, ему ли спастись в себѣ младенца и вскрыть теперь свою „подлинную точку“?

Поистинѣ поздно.

И поистинѣ невѣроятно, ибо в том же № „Нашего

Пути“, но в другой статьѣ, Андрей Бѣлый снова воин Ирода, снова—только раздавленный полновѣсными кирпичами фальши и лжи.

Виктор Ховин.

Мнимые стихи Пушкина *)

В пасхальном номерѣ «Нашего Вѣка» Н. О. Лернер сдѣлал драгоцѣнный подарок пушкинистам—напечатал окончаніе пушкинской «Юдиѣи» («Когда владыка ассирійскій...»). Пока, впрочем, он познакомил нас только с выдержками—остальное сохранил для «спеціального научнаго органа». Исторія этой находки довольно замысловатая. Оказывается, сам г. Лернер рукописи не видал, а видал ее нѣкій «инженер-электрик» Зуров, обитатель Харькова, приславшій г. Лернеру копію с нея. При копіи приложено письмо, которое г. Лернер приводит цѣликом (почти четверть фельетона!), как своего рода первоисточник. В этом письмѣ рассказываются замѣчательныя вещи. У инженера Зурова был в Кіевѣ пріятель нѣкто Кащенко; у этого Кащенко жила старуха—кухарка. Кухарка умерла, и послѣ нея остался сундук, а в сундукѣ нашлись письма к ней ея прежних хозяев. Среди этих-то писем и оказалась завѣтная рукопись, вложенная в конверт, на котором так прямо и было написано: «Пушкин от». Впрочем, за «от» г. Зуров не ручается. Он добросовѣстен, как заправскій филолог; «Пушкин»—ясно, а «дальше неразборчиво»—может быть, не «от», а даже что-нибудь другое. Бумага, конечно, с водяным знаком—а именно 1834 года. Год кажется г. Зурову

*) Статья эта была написана на третій день послѣ появленія фельетона Н. О. Лернера и послана в одну из петербургских газет. Редакція этой газеты не пожелала ее напечатать, опасаясь выступить против такого авторитетнаго пушкиниста, как Н. О. Лернер. Теперь мистификація раскрылась—извѣстно и имя автора поддѣлки, одного из молодых пушкинистов. Однако печатаемая статья сохраняет свое значеніе и в настоящее время силою тонкаго анализа, примѣннаго автором статьи к лернеровскому «открытію». Ред.

подходящим, так как, «если ему не измѣняют гимназическія воспоминанія», Пушкин умер в 1837 г. (г. Зуров не стѣсняется своей обывательской беззаботности насчет пушкинской біографіи—однако копию с рукописи сдѣлал с тщательностью, которая привела в восхищеніе г. Лернера). 1834 год оказывается подходящим и по другим соображеніям. Всякій, справившись с Венгеровским изданіем, может легко узнать из примѣчаній того же Н. О. Лернера, что майковскій и онѣгинскій автографы «Юдиои» написаны на бумагѣ 1834 г.—естественно, что и продолженіе должно быть на той же бумагѣ. Примѣр трогательнаго совпаденія результатов дедукціи с фактом. К тому же, продолженіе пригнано к тому мѣсту, гдѣ обрывается печатный текст—опять таки вполне естественно: на то оно и продолженіе, чтобы продолжать. Рассказ г. Зурова о дальнѣйшей судьбѣ пушкинской рукописи принимает неожиданно элегической характер. Кащенко убит большевиками, дом сгорѣл—сгорѣл и кухаркин сундук с рукописью. «Так я и, может быть, русская литература» (как умилительно это «я и русская литература»!) «понесли большія потери», лирически замѣчает г. Зуров. «Я лишился друга, кристально-честнаго человѣка, а литература рукописи нашего великаго поэта». И вот волею судьбы г. Лернер очутился tête-à-tête с зуровской копией. Остался единственный источник для провѣрки свѣдѣній о рукописи — это бывшіе хозяева кухарки. Но г. Зуров никак не может припомнить их фамиліи. Ему очень это досадно. Помнит только, что «Кащенко говорил, что она говорила», будто они жили в Москвѣ гдѣ-то около церкви Василия Кесарійскаго. Нѣсколько утѣшает г. Зурова то обстоятельство, что, как ему сообщили московскіе знакомые, «такая церковь, дѣйствительно, существует в Москвѣ». Датировано письмо 15—28 марта—обстоятельство, играющее нѣкоторую—может быть, даже роковую—роль во всем открытіи.

Во всем этом г. Лернер сначала сам заподозрѣл—и совершенно основательно—«неостроумную мистификацію». Но, ознакомившись с копией, пришел в восторг. Он узнал «пушкинскую работу, быструю и лихорадочную»: поправки,

зачеркнутыя слова, рѣмы без стихов и т. д. Но главный довод, на основаніи котораго г. Лернер отмечает даже «малѣйшія» сомнѣнія в подлинности новоявленного произведенія, это то, что перед нами «результат вдохновенной работы, для котораго потребовался бы талант не меньше пушкинскаго». «Поищи-ка теперъ такого!» побѣдоносно заявляет г. Лернер.

Что же представляет собой рукопись? Припомним сначала пушкинскую «Юдиѳъ». Нагнетаніе з («И зрит: их узкія врата замком замкнуты... грозой грозится высота»), накопленіе тавтологій («Владыка ассирійскій народы казню казнил... замком замкнуты... грозой грозится...») придают рѣчи суровую, напряженную сосредоточенность и ведут, как к торжественному разрѣшенію, к свѣтозарному образу Ветилуи, в котором Владимір Соловьев недаром увидѣл символ всей пушкинской поэзіи:

И над тѣсною торжествуя,
Как муж на стражѣ, в тишинѣ
Стоит бѣлѣясь Ветилуя
В недостижимой вышинѣ.

На этом противоположеніи бѣлѣющей в вышинѣ Ветилуи и стоящаго на днѣ ущелья разгнѣваннаго сатрапа обрывается пушкинскій отрывок. Есть необъяснимое очарованіе в этой пушкинской недоговоренности. Фабула еще и не затронута, но что-то самое главное уже сказано — продолженіе становится внутренне ненужным. Чтобы не снизить настроеніе—дальше воистину потребовался бы «божественный глагол».

Что за народ в странѣ нагорной
Навстрѣчу не выходит мнѣ?
Кто в сей твердынѣ непокорной?
Кто царь, кто вождь у них в странѣ?

С таким расхлябанным, мутным вопросом («Что за народъ не выходит?»—совсѣмъ по-пушкински!) обращается зуровскій Олоферн к совѣту «воинственных племен». И эти стихи с вялыми синонимами (царь, вождь), с обгрызанным предложеніем без сказуемаго, с неуклюжим сочетаніем в и сей—якобы должны итти сейчас вслѣд за дивными сти-

хами о Ветилуѣ, гдѣ все подъем, и мысль, и звук. Да одного этого невѣроятнаго срыва достаточно, чтобы сейчас же почувствовать, что это не Пушкин. Рѣчь Пушкина—письменная и устная—отливалась сразу в чистыя, четкія формы. Он просто не донес бы до бумаги такой словесной путаницы:

Бог всякой крѣпости и силы,
Ты предал князей и рабов,
Когда их (?) мщенье поразило
Дѣв посрамленных и бойцов.

Или вот это:

Вновь пожигают іереи
Тук благовѣнящим (?) огнем.

Неужели так писал Пушкин—да еще в 1834 году, во времена «Галуба» и «Мѣднаго Всадника?»

Конечно, легко можно доказать, что в Пушкинских черновиках есть слабые стихи, синонимы в родѣ тѣх, которыми разбавлен язык Зуровской «Юдиѳи» (крѣпости и силы, угрюм и мрачен, царь и вождь), даже сіи и всякіе, спасительное прибѣжище неопытных версификаторов. Но для того, чтобы приписать Пушкину стихи из сундука кievской кухарки, мало сказать: «Да вѣдь это «черновик! И у Пушкина бывает плохо.» Нужно что—нибудь несомнѣнное пушкинское — такое, в чем, не колеблясь ни секунды, мы узнали бы его голос, его интонацію. А в стихах, которые г. Лернер, соблазнившись marginal'ями, выдает за пушкинскіе, нечего и искать богатства и разнообразія пушкинскаго словаря, смѣлости и свѣжести его эпитетов. На пространствѣ 8 стихов три раза повторен эпитет грозный—при чем прилагается он одинаково к евреям и к ассиріянам: евреи с грозными мечами, ряд ассирян грозный, царь у них тоже грозный.

Разработка темы даже приблизительно не стоит на уровнѣ пушкинскаго замысла. Это рабское переложеніе библейскаго повѣствованія. Автор цѣпляется за библейскій текст и пушкинскіе мотивы (конечно, побочные), намѣченные в началѣ, как утопающій за веревку. Основная тема—страсть Олоферна и подвиг Юдиѳи—стоит без движенія

(так было и с Зуевской «Русалкой»). Юдиѳъ охарактеризована двумя стихами. Любовная сцена сведена к такой выразительной фразѣ Олоферна: «Пей! Сегодня жизнь моя с тобой!» Зато усердно разрабатываются аксессуары. И, конечно, эти аксессуары—только развитіе мотивовъ пушкинскаго начала (бой, угрозы сатрапа, смятеніе еврейскаго народа, его благочестіе). Повторяются цѣлые образы— ждущіе боя бойцы на стѣнахъ, іереи вокругъ алтаря. Эти іереи, которыми начинается пушкинскій отрывок:

Іереи одѣли вретищемъ алтарь,
завершаютъ лернеровское окончаніе: послѣ всѣхъ злоключеній

Вновь пожигаютъ іереи
Тукъ благовѣднющимъ огнемъ—,
благонравная закругленность, несомѣстная с пушкинскимъ динамизмомъ, пушкинскими неожиданностями.

Аксессуары лѣзутъ на первый план—такъ что в центрѣ оказываются алтари с «пожигаемымъ» на нихъ «тукомъ» (слово повторяется два раза), благоуханія и пр. Для вящей колоритности пущена в ходъ вся библейская географія: тут и Доаим, и Кіамон, и Галад. Это засиліе аксессуаровъ весьма характерно для поддѣлокъ—на этомъ срѣзился в свое время и Зуев, не сумѣвшій ни на шагъ двинуть тему вперед.

Такъ же беспомощно цѣпляется авторъ за пушкинскія выраженія и риѳмы. Нѣсколько разъ повторяется эпитетъ горный в примѣненіи к странѣ (в пушкинскомъ началѣ: «к ущельямъ горнымъ»), пушкинскія риѳмы: нагорный—непокорный, царь—алтарь.

Образы блѣдны и неустойчивы. Сатрапъ по нечаянности превращается вдругъ в царя:

И занимаетъ грозный царь (?)

Всѣ родники...

«Азіецъ пьяный на ложѣ падаетъ безъ силъ». Но оказывается, что при этомъ онъ лежалъ «угрюмъ и мраченъ». Какое выраженіе лица можетъ быть у спящаго пьянаго человѣка? Религіозный характеръ темы снижается воплями еврейскаго народа:

Пусть нас разграбит (?) недруг сей...

Попытка поддѣлаться под божественный язык поэта обнаруживается только в обилии реминисценцій из пушкинских произведеній (различных періодов).

В лернеровской «Юдиѳи»:

... палима

Душа Израиля...

У Пушкина:

Твоим огнем душа палима.

В лернеровской «Юдиѳи»:

Златых ночей и дней златых

Не вѣдала вдовством печальным.

У Пушкина:

Богами вам еще даны

Златые дни, златяя ночи...

У Лернера:

Теряет он язык и ум...

У Пушкина:

Язык и ум теряя разом...

Кстати прихвачено из Лермонтова 1840 года:

И красотою безобразной

Юдиѳи сердце привлекал...

У Лермонтова («С. Н. Карамзиной»):

Но красоты их (бурь страстей) безобразной

Я скоро таинство проник...

Будем ждать опубликованія полного текста лернеровской «Юдиѳи». Пока и без примѣненія научных методов ясно, что плохих стихов в такой пропорціи Пушкин не писал даже и начерно — и что письмо, отправленное из Харькова 15—28 марта, при нынѣшних обстоятельствах должно было поспѣть к г. Лернеру как раз 1 апрѣля — если не старого, то новаго стиля.

Александр Слонимскій.

Иллюзія сказа.

Мы всегда говорим о литературѣ, о книгѣ, о писателѣ. Письменно-печатная культура приучила нас к буквѣ. Слово мы, книжники, только видим; оно всегда для нас—нѣчто неразрывно связанное с буквой. Мы часто совсѣм забываем, что слово само по себѣ ничего общаго с буквой не имѣет—что оно есть живая, подвижная дѣятельность, образуемая голосом, артикуляціей, интонаціей, к которымъ присоединяются еще жесты и мимика. Мы думаем—писатель пишет. Но не всегда это так, а в области художественнаго слова—чаще не так. Нѣмецкіе филологи (Сиверс, Саранъ и др.) нѣсколько лѣтъ назадъ заговорили о необходимости «слуховой» филологіи (Ohrenphilologie) вмѣсто «глазной» (Augenphilologie). Это—чрезвычайно плодотворная идея. В области стиха такой анализ дал уже интересные результаты. Стих, по самой природѣ своей, есть особаго рода звучаніе—он мыслится произносимым и потому текст его есть только запись, знакъ. Но не безплоден такого рода «слуховой» анализ и в области художественной прозы. В ея основѣ тоже лежит начало устнаго сказа, вліяніе котораго часто обнаруживается на синтаксических оборотах, на выборѣ слов и их постановкѣ, даже на самой композиціи.

Мы привыкли к школьному дѣленію словесности на устную и письменную. Но, с одной стороны, былина или сказка «вообще», внѣ сказителя, есть нѣчто абстрактное. С другой (и вот это-то особенно интересно)—элементы сказительства и живой устной импровизаціи скрываются и в письменности. Писатель часто мыслит себя сказителем и разными приемами старается придать письменной своей рѣчи иллюзію сказа. Есть, конечно, спеціально-письменные формы, но ими литература (собственно вѣрнѣе—именно словесность) не исчерпывается, да и в них можно найти слѣды живого слова.

Недаром мы обѣднѣли настоящими романами и не умѣем писать их так, как писали Шпильгаген или Золà, или старые англичане. Точно утеряти чутье к этой формѣ и раз-

учились техникѣ. Роман—форма смѣшанная и рожденная именно письменной культурой. Роман пишется, а не записывается, и пишется именно для чтенія. Живое слово рассказчика тонет в этой громоздкой массѣ—голоса нѣтъ. Длительные діалоги, обширныя фактическія описанія, сложность фабулы—всѣ эти условія дѣлают роман именно книгой. Нашъ русскій роман развивался своеобразно и сравнительно недолго—только в шестидесятых и семидесятых годах. Романы Достоевскаго построены на соединеніи страстнаго личнаго тона с драматическими приѣмами (развитой діалог и разговор). У Толстого построеніе основано на разнообразіи психологических «сцѣпленій» и на приѣмахъ біографическаго анализа—недаром он начал с «Дѣтства и отрочества». Романы Тургенева—тѣ же новеллы: у него никогда нѣтъ прочнаго узла для всѣхъ лиц, хотя ихъ обычно немного; Лизу и Лаврецкаго легко отдѣлать от остальных, составляющихъ только фонъ. Поэтому ему такъ просто остановить развитіе фабулы и в 8 главахъ подробно рассказывать исторію Лаврецкаго. Для Тургенева это характерно—онъ всегда стремится рассказывать, онъ всегда обращается къ слушателю. Тургеневъ «имѣлъ даръ слова и говорил охотно, плавно, любил, кажется, больше рассказывать, чѣмъ разговаривать», сообщается в одномъ воспоминаніи. Діалог—слабое мѣсто его романовъ. В «Запискахъ охотника» онъ—сказитель, и это его настоящій тонъ. Его повѣсти именно повѣствуются—онѣ часто даже с внѣшней стороны построены на иллюзіи дѣйствительнаго, непосредственно воспринимаемаго устнаго разсказа, какъ «Первая любовь», «Разсказъ о. Алексѣя», «Гамлет Щигровскаго уѣзда», «Живая мощи».

Сказка, в сущности, всегда—импровизація. Ея сюжет—только схема, ея запись—только отдѣльный фактъ. Эти черты примитива сохраняются и в письменной новеллѣ. Новеллистъ обычно, путемъ разныхъ приѣмовъ, стремится вызвать впечатлѣніе непосредственнаго разсказа, импровизаціи. Художникъ вѣдь по существу своему—всегда импровизаторъ. Письменная культура заставляетъ его выбирать, закрѣплять, обрабатывать, но тѣмъ охотнѣе стремится онъ

сохранить хотя бы иллюзію свободной импровизаціи. Когда это соединяется со строгостью стихотворной формы—получается радостное впечатлѣніе власти художника, впечатлѣніе игры. Так сдѣлан «Евгеній Онѣгин»—непринужденность тона вмѣстѣ с ритмической скованностью рѣчи дѣйствуетъ какъ высшая степень свободной импровизаціи. Не потому ли Пушкинъ и сочинил Бѣлкина, что ему нужен был, хотя бы только в представленіи, опредѣленный тон рассказчика? Бѣлинскому «Повѣсти Бѣлкина» не понравились (с высоты его теоріи), но и он отмѣтил «искусство рассказывать (conter)» и признался, что «их с удовольствіем и даже с наслажденіем прочтет семья, собравшаяся в скучный и длинный зимній вечер у камина». Характерно при этом, что Пушкин еще указал, от кого Бѣлкин слышал эти рассказы, точно желая этим повысить иллюзію непосредственнаго сказа и от писателя возвести их происхожденіе к сказителю: «Смотритель» рассказан был титулярным совѣтником, «Выстрѣлъ»—подполковником, «Гробовщик»—прикащиком, «Мятель» и «Барышня»—дѣвицею. Недаром сообщается и о том, что старая ключница пріобрѣла довѣренность Бѣлкина «искусством рассказывать исторіи». Эта самая ключница, как говорится в предисловіи, заклеила потом окна флигеля первую частью его неоконченнаго романа. Она была права—Бѣлкинъ никогда бы его не кончил, а если бы и окончил—роман был бы, навѣрно, неудачный.

Гоголь—сказитель особаго рода: с мимикой, с жестами, с ужимками. Он не просто рассказывает, а разыгрывает и декламирует. Характерно, что начал он со сказок и вложил их в уста Рудаго Панька. А потом сам создал особыя формы сказа—с восклицаніями, со словечками всякаго рода.

Прирожденным сказителем, до сих пор неоцѣненным, был и Лѣсков. Романы ему не давались, а такія вещи, как «Запечатлѣнный ангел» и «На краю свѣта»—образцы высокаго словеснаго художества. И опять характерно: и то, и другое передается, как дѣйствительный устный рассказ опредѣленных лиц. В этом смыслѣ его непосредственный ученикъ—Ремизов. Он всегда сказывает и заставляет слу-

шать. Его письменная рѣчь строится по законамъ устной, сохраняя голосъ и интонацію: «О значеніи слова муръ ѣ скажу словомъ житія Нифонта: «Разгоняше яко и муръ нѣкыя». А когда ихъ кишитъ великое множество, когда муръ на муръ и муромъ погоняетъ,—это и есть мурье самое, наше время военное, осточертенѣвшее, мракъ духа, чернѣ души, тѣлесная мерзость» («Среди мурья» 1917 г., примѣчаніе). Часто онъ сообщаетъ о происхожденіи рассказовъ—иногда съ характерными подробностями: рассказывала старуха Анна изъ дер. Подворья или «баба олонецкая на жнитвѣ 1914 г., рассказывала». Недаромъ искусству рассказывать учится онъ на народныхъ сказкахъ и древне-русскихъ повѣстяхъ. Въ древне-русской письменности можно наблюдать борьбу книжности съ живымъ словомъ. Въ этомъ отношеніи необыкновенно интересенъ протопопъ Аввакумъ, стиль котораго, я думаю, сильно повліялъ на Лѣскова.

Примѣровъ можно привести много. Письменность для художника слова—не всегда добро. Настоящій художникъ слова носитъ въ себѣ примитивныя, но органическія силы живого сказительства. Написанное—это своего рода музей. Для нашего сумасшедшаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ творческаго времени характерно это возвращеніе къ живому слову. Съ одной стороны—Ремизовъ, возвращающій насъ къ сказкѣ, съ другой—Андрей Бѣлый, ломающій обычный письменный синтаксисъ и прибѣгающій даже къ чисто внѣшнимъ приемамъ (пунктуация особаго рода и т. д.), чтобы сохранить въ письменной рѣчи всѣ оттѣнки устнаго сказа. Филологія тоже должна обратить на это вниманіе: Здѣсь открываются новыя пути и для критики, и для изслѣдованія художественной прозы—области, до сихъ поръ очень темной.

Б. Эйхенбаумъ.

Московское любомудріе.

Книжная премудрость подобна есть солнечной свѣтлости, но и солнечную свѣтлость мрачный облак закрывает, а книжную премудрость и вся тварь сокрыти не может.

Азбука XVII вѣка.

Среди издательствъ русскихъ об'единенныхъ и созданныхъ не жаждою наживы, не исканіемъ и погоней за мимолетной, многошумной и суетной сенсацией выдѣлилось определеннымъ, строгимъ ликомъ книгоиздательство «Путь». Уже въ последнее десятилѣтіе XIX вѣка пошатнулись устои бытія русской интеллигенціи: кумирчики и идольчики были свергнуты, «полезныя идейки» преданы забвенію и вмѣсто обычнаго радикально-софистическаго трафарета, вмѣсто казенно-либеральнаго пониманія исторіи русской культуры всплыли совершенно новыя понятія, новыя идеи—с одной стороны воскрешавшія основательно забытое, во время неощенное, свое родное и вселенское любомудріе, с другой—открывшія совершенно новыя планы умственной работы, родившія иныя чаянія, радости и печали. Послѣ революціи 1905 года, послѣ «Вѣхъ»—этой громадной по своей духовной цѣнности книгѣ—передъ многими всталъ коренной вопросъ: «Что такое Россія, въ чемъ ея святыня и задача?» Дать отвѣтъ на это—отвѣтъ всеобъемлющій и исчерпывающій—конечно не было и нѣтъ возможности. Но важно было намѣтить пути къ его разрѣшенію, использовать уже накопленные нами духовныя богатства и способствовать творческому созданію новыхъ, дабы передъ лицомъ родины не походить какъ прежде на слѣпотствующихъ учениковъ въ Эммаусѣ съ горящимъ сердцемъ но невидящими, непроницающими въ духовную суть глазами.

Не уподобляясь Иванамъ непомнящимъ родства, «Путь» отдалъ должное уже созданному великими работниками на нивѣ русскаго любомудрія—читатель получилъ «Русскія ночи» кн. Одоевскаго, сочиненія И. В. Кирѣевскаго, П. Я. Ча-

адаева, Вл. Соловьева. Как видно из одного перечисленія имен славянофилы здѣсь сочетались мирно с западниками—критеріем служила лишь полная независимость мысли, та благодатная свобода о которой можно сказать древними словами: «Гдѣ дух Господень—там свобода».

Русская философія, до сих пор находящаяся в черном тѣлѣ и третируемая свысока дипломированными невѣждами, нашла для себя в «Пути» вѣрное прибѣжище—там вышли монографіи об А. А. Козловѣ, А. С. Хомяковѣ и Г. С. Сковородѣ; в особенности слѣдует отмѣтить послѣднюю—имя Сковороды стараніями фарисеев и книжников было все изглажено из памяти русской. Изданіе сочиненій его попало в варварскія руки «скива» Бонч-Бруевича. А между тѣм Сковорода имѣет право на гораздо большее—этому вдохновенному мистику гордо сказавшему: «Мір меня ловил но не поймал», этому борцу с оземлѣніем духа человѣческаго принадлежит виднѣйшее мѣсто в русской философіи—в особенности сейчас, в минуты прозрѣванія истинных сущностей, когда мы от души готовы повторить пламенные слова его: «Вся тварь есть рухлядь, смѣсь, сволочь, лом, крушь, стечь, вздор, сплочь и плочь и плетки». Обѣщаны были еще монографіи о крупнѣйших русских мыслителях—Гоголѣ, Феодорѣ Бухаревѣ, Серапіонѣ Машкинѣ, К. Н. Леонтьевѣ, Ѳ. И. Тютчевѣ и других, но, к несчастью, ильинскій огонь 1914 года испепелил эти планы как и многое другое в нашей жизни.

Дабы закончить обзор ретроспективной дѣятельности «Пути» упомяну еще о переводных книгах изданных им: превосходной по сжатости и цѣломудрію тона «Исторіи древней Церкви» аббата Дюшена, сочиненіях Фихте, Леруа и Зейпеля.

Но не в собираніи и охраненіи святынь осуществляет «Путь» свою задачу—его цѣли болѣе далеки, дерзанія болѣе высоки и созидательны. Объединив около своего знамени С. Н. Булгакова, Н. А. Бердяева, М. Гершензона, Вл. Эрна, свящ. П. Флоренскаго, кн. Евг. Трубецкого, С. А. Аскольдова, Н. О. Лосскаго и Л. Н. Лопатина, «Путь» овладѣл вершинами современной нам русской философіи

и на основѣ знанія понимаемаго в смыслѣ благодатно стяжаемаго гнозиса стал строить храм національно-религіознаго любу мудрія. Н. А. Бердяев в «Философіи свободы», С. Н. Булгаков в «Двух градах», «Философіи хозяйства» и послѣдующих книгах, Вл. Эрн в «Борьбѣ за Логос» разными путями в смыслѣ обоснованія идут к одной и той же высокой и святой цѣли—борьбѣ с плоским матеріализмом, невѣжеством, облыжно присваивающим себѣ патент на научность, с обезличиваньем человека во имя сѣраго равенства и превращеніем его в болѣе или менѣе усовершенствованный автомат. Эти книги в особенности важны тѣм, что рассчитаны на среду «русских мальчиков» необычайно довѣрчивых и охочих до воспріятія всяческих «вліяній» хотя бы явно нелѣпых и безбожных. Участники «Пути» вооружены западным знаніем и восточной, святоотеческой мудростью—борьба их с убогой семинарщиной, с унылой пошлостью писаревщины и добролюбовщины должна имѣть безусловно побѣдный исход. И Булгаков, и Бердяев продѣлали долгую и тяжкую духовную эволюцію—от топей марксизма и матеріалистической экономики к вершинам національнаго сознанія и единенія в Церкви. Всѣм выше перечисленным писателям я бы охотно дал имя «апологетов Россіи и ея духовной свободы», думая что этими словами касаюсь самой сущности их творческаго дѣланія.

Но все исчисленное можно считать принадлежностью всякаго хорошаго культурнаго издательства. Лишь книги могуція лечь основным камнем новаго міроощущенія составляют необычное явленіе в наши робкіе, стилизующіе дни. И такую-то драгоцѣнность «Путь» нашел в опытѣ православной теодицеи свящ. Павла Флоренскаго «Столп и утвержденіе Истины». То собственно не книга даже, а подлинный словесный маргарит—обогащенный духовным, молитвенным опытом всесторонним, глубоким знаніем, автор теодицеи утверждает софійность міра, прозрѣвая всюду божественное устройство его. Форма теодицеи при появленіи своем обратила на себя вниманіе изысканностью и утонченной художественностью; еще больше привлекли к ней вниманіе широчайшая эрудиція ея автора,

его дерзновенно-благодатный гнозис и крѣпкая, несокрушимая вѣра его. Флоренскій раскрываетъ міру неистощимыя богатства православія пока еще для многихъ сокрытыя и в этомъ раскрытіи совершается откровеніе будущихъ судебъ Россіи. Для «Пути» теодицея—драгоцѣннѣйшій залогъ его творческаго развитія, превращенія изъ зерна горчишнаго в многовѣтвистое, могучее древо русскаго любомудрія.

Двумя мыслями Достоевскаго можно кратко выразить основныя стремленія «Пути»: «Богъ взялъ сѣмена изъ міровъ иныхъ и посѣялъ на сей землѣ и взрастил сад свой и взошло все, что могло взойти, но взрощенное живетъ и живо лишь чувствомъ соприкосновенія своего таинственнымъ мірамъ инымъ... Омочи землю слезами радости твоея и люби сіи слезы твои... Кто не понимаетъ Православія— тотъ никогда ничего не пойметъ в народѣ». Широко и дѣйствительно начинаніе московскихъ любомудровъ—отъ великихъ образовъ первыхъ вѣковъ христіанства до Владимира Соловьева и Павла Флоренскаго удалось сохранить людямъ свѣтъ тихій, свѣтъ неумирающій истинной мудрости. Лишь при немъ можно увидѣть путь Россіи, раскрыть загадку ея, почувствовать ея судьбы. «Земля прилипчива есть» сказалъ мудрый „старецъ“ Сковорода и, заразившись этимъ ея свойствомъ, „сонмище больныхъ изолированныхъ в родной странѣ“—русская интеллигенція попыталась строить русскую храмину. Нынѣ с великимъ трескомъ и позоромъ рушатся послѣднія скрѣпы этого дикаго начинанія—задачи «Пути» по отношенію къ строительству грядущей Россіи да опредѣлятся вѣщимъ словомъ Достоевскаго: «Лишь народъ и духовная сила его грядущая обратитъ отторгнувшихъ отъ родной земли атеистовъ нашихъ. Гибель народу безъ Слова Божія, ибо жаждетъ душа его Слова и всякаго прекраснаго воспріятія. Отъ кроткихъ и жаждущихъ уединенной молитвы выйдетъ, можетъ быть, еще разъ спасеніе земли Русской! Отъ востока звѣзда сія возсіяетъ».

Димитрій Крючков.

Новое о театрѣ.

В. Керженцев. Творческій театрѣ. Пути социалистическаго театра. Издательство «Книга» 1910 г. Стр. 71. Спб. 2 р.

Странное впечатлѣніе производит книга г. Керженцева. В ней есть страницы, способныя глубоко взволновать. Но—увы!—это не тѣ страницы, гдѣ открываются дали новых театральныя достижений, а тѣ, гдѣ автор посылает неистовыя проклятыя современности. Яркими штрихами рисует он Нью-Йоркскій Гипподром, не то театр, не то цирк, на безмѣрной эстрадѣ котораго, перед аудиторіей в пять тысяч человекъ, проходит безконечная мѣшанина номеров, гдѣ есть все, начиная от арій и танцев лучших европейских артистов и вплоть до фокусников, акробатов и сцен из феерій, поставленных со всей изощренностью машинной выдумки. «Америка потребляет театральное искусство как прожорливый Гаргантюа», говорит автор, и послѣ его наброска вы немедленно чувствуете эту страну, выбрасывающую герою экрана два милліона рублей в год. Автору это ненавистно какъ проявленіе буржуазной культуры. Но он не замѣчаетъ того, что он слишком много дал в своей картинѣ. Успѣх Гипподрома говорит о потребности в таком театрѣ не отдѣльных классов, а широких масс. В зрительном залѣ, по замѣчанію самого В. Керженцева «прослоены всѣ социальныя группы», и это тѣм болѣе прискорбно, что тип американскаго театра переносится и в Европу для новых побѣдных завоеваній. Что же противопоставляетъ автор этому движенію? Увы!—почти одну лишь мечту о новомъ социалистическом театрѣ пролетарскаго зрителя. Автор достаточно широк при этом, он готов первый протестовать против перегруженія театра тенденцій. Но в эту плоскость не хочется и переносить спора. Пусть хоть тенденція, лишь бы не Гипподром. А между тѣм слишком многое подтверждает, что и у нас уклон в сторону американизма тоже «прослоился» в толщу низших классовъ. Приведу наглядный примѣр. Г. Керженцев рекомендует пьесу Гольсуорти «Борьба» и драму Гаупт-

мана «Ткачи». Обѣ эти пьесы были поставлены в этот сезон, в пору яркаго идейнаго возбужденія народных масс. Но какой же результат этих постановок? Толпа, вереницей шедшая на боевики кинематографа, оказалась равнодушной къ идейно-значительным пьесам западнаго репертуара. Вопрос о духовном возрожденіи масс обстоит таким образом далеко не так благополучно. Тѣм болѣе подчеркиваем эту сторону дѣла, что г. Керженцев склонен слишком пренебрежительно относиться к интимному театру и единичным достиженіям режиссеров. Театр для передовых зрителей не утратит своего значенія и в будущем, хотя бы в качествѣ той лабораторіи, в которой предвосхищаются пути болѣе широких достиженій.

La Commedia dell'arte или Театр Итальянских Комедіантов XVI, XVII и XVIII столѣтій. Книга, содержащая исторію и догму этого вида театральнаго представленія, образцы сценаріев, монологов и діалогов, библиографическій указатель и иллюстраціи, написанная Константином Миклашевским и изданная Н. И. Бутковской. Петербург, типографія Сиріус и мастерская издательства. Стр. 111 + XIV. Цѣна 7 р.

Театр импровизацій имѣет на Западѣ не мало самых восторженных поклонников. Стиль свободнаго актерскаго творчества многим рисуется тѣм идеалом, к которому должен стремиться послушный автору исполнитель писанной комедіи, чтобы внести в передачу заученнаго искренность впервые переживаемаго. В том, что современный актер может многому поучиться у импровизаторов, убѣжден и г. Миклашевскій, но это не помѣшало ему соединить в своем трудѣ чисто-театральныя пристрастія со строго-научной разработкой темы. Занятія в Римской Академіи и наиболѣе крупных архивах Италіи дали автору возможность прекрасно изучить тему. Филологическія догадки о названіи того или иного типа, исчерпывающіе очерки сценаріев, сближенія с литературными образцами—все это придает научное значеніе изслѣдованію. В концѣ концов хочется даже сдѣлать упрек автору за нѣкоторую сухость

изложения. Он слишком многое предполагает уже известным читателям и совсем не гонится за тем, чтобы путем общих картин вводить их в дух эпохи.

«Огромное влияние, которое *Commedia dell'arte* оказала на Мольера известно всякому», бросает он, например, мимоletное замечание. Между тем аналогия давно знакомых типов Мольера и их прообразов у итальянцев могла бы быть очень показательной. Эта сухость изложения объясняется, быть может, и тем, что исследование обрывается в самой любопытной его части—там, где автор собирается перейти к разбору исполнения и постановки. Эту вторую часть пришлось отложить до того времени, когда вновь будут болѣе благоприятны условия печатания и воспроизведения рисунков. О том, что автор именно здѣсь разовьет с полной силой свой анализ импровизационной сцены позволяет дѣлать прочныя догадки недавняя лекція г. Миклашевскаго, в которой очарования маски, прелесть смѣлой буффонады и грація поз и движеній возстали в живой и яркой картинѣ. В цѣлом монографія г-на Миклашевскаго явится одним из болѣе значительных трудов русских авторов о западном театрѣ. Издана книга с большим вкусом. Рисунки сценаріев и типов, как и отдѣльные портреты, воспроизведены очень тщательно.

Ө. Коммиссаржевскій. Творчество актера и теорія Станиславскаго. Изд. «Свободное Искусство». Библіотека иллюстрированных монографій. Петроград. Стр. 120. Цѣна 6 р.

У К. С. Станиславскаго, как и у всякаго подлинно-крупнаго дѣятеля, есть дар завораживать своих поклонников. Не только среди актеров и режиссеров, но и среди рецензентов есть люди, для которых все театральное имѣет смысл лишь постольку, поскольку оно связано с планами и достиженіями Художественнаго театра. Ө. Коммиссаржевскій—приятное исключеніе среди этих восторженных послѣдователей *maitr'a*. В теоріи К. Станиславскаго, симпатичныя ему по существу, он умѣет вносить такія ограниченія, которыя говорят о способности к оригинальному

художественному мышленію. Много интереснаго в первом этюдѣ книги «Актер и фантазія». Не перегружая текст мудреными цитатами, автор с большей убѣдительностью набрасывает теорію игры, исходящей из внутренняго переживанія. Любопытныя справки автора о былых теоріях сценической игры наглядно показывают, как старо то узкое пониманіе естественности, которое предполагает в актерѣ лишь способность повторять лично пережитое. Оно основано на глубоком пренебреженіи к фантазіи и благодаря этому пренебреженію «К. С. Станиславскій пришел от внѣшней характерности сценических типов к внутренней их безхарактерности». Его натурализм «лишает наше сознаніе наиболѣе сложных, творческих его возможностей». Подобныя упреки дѣлались и раньше, но в свое время за них записывали в стан безнадежных рутенеров. Пріятно, что теперь эти истины провозглашают и тѣ, кому никак нельзя отказать в готовности усвоить все лучшее в достиженіи Художественнаго театра. Свое у Θ . Коммиссаржевскаго—признаніе фантазіи, преклоненіе перед романтикой. Что-то чрезвычайно цѣнное для нашей эпохи исканій угадывается в устремленіях режиссера. В концѣ концов связь взглядов Θ . Коммиссаржевскаго с идеями руководителя Художественнаго театра не так велика, чтобы неустанно ее подчеркивать. Но желаніе перваго отмѣтить заимствованія придает чрезвычайно симпатичный тон всему изложенію. Издана книга изящно, но едва ли стоило давать так много снимков постановок Художественнаго театра. Сцены из «Дяди Вани» и портреты Станиславскаго в ролях давно знакомы по журналам, открыткам и альбомам. Между тѣм воспроизведеніе их не могло не отразиться на цѣнѣ книги.

**Театр «Летучая Мышь» Н. Ф. Баліева. Обзор десяти-
лѣтней художественной работы перваго русскаго театра-
кабарэ. Печатано в художественных мастерских жур-
нала «Солнце Россіи». 48 стр. текста с рисунками в
видѣ наклеек и на вкладных листах. Составил Н. Эфрос.
Цѣна 15 руб.**

Составленіе юбилейнаго очерка—задача, полная исключительных опасностей. Чтобы не впасть в рекламу, надо или исходить из чисто-объективных данных или... обвѣять свой очерк такой искренностью восхищенья, которая невольно заставила бы вѣрить, что автором руководит только и единственно желаніе поговорить о любимом предметѣ. Н. Эфрос вступил на второй, болѣе трудный путь и, нельзя этого не признать, вышел полным побѣдителем. В самом стилѣ его легкаго, но полнаго мѣтких сравненій и красивых образов слога есть что-то глубоко гармонирующее со стилем театра художественных миниатюр. С любовью рассказывает он о том, как десять лѣтъ назад, в день высокоснаго преподобнаго Кассіана, затворника и столпника Печерскаго, под низкими подвальными сводами большого хмураго дома близ Москвы-рѣки весело затрепетала «Летучая Мышь». Автор рисует и первыя интимныя собранія и первыя попытки насадить жанр «маленьких искусств» с их недоговоренностями, с их тѣсными сжатыми формами, сосредоточенною силою, сгущенною красочностью и пикантною заостренностью». Трогательными чертами набрасывает он образ безвременно угасшаго Н. Л. Тарасова, которому особенно близка была «стихія юмора, сарказма, элегической нѣжности и грусти». Много любопытнаго в рассказѣ об имитациях, когда появлялись перед зрителями буквальные двойники Станиславскаго, Качалова или Шалапина. Остроумен и анализ дальнѣйших путей, когда театр начал преслѣдовать болѣе крупныя художественныя задачи. Что касается внѣшности изданія, то, конечно, спѣшный выпуск альбома с полусотней крупных клише является большою заслугой мастерской «Солнце Россіи» и при настоящих неблагоприятных условіях печатнаго дѣла дает больше, чѣм можно было бы ожидать. Все же нельзя не замѣтить, что отсутствіе репродукцій в красках не дает сполна уловить характер постановок «Летучей Мыши», порой настолько поражающих гармоніей красочных пятен, что при поднятіи занавѣса у зрителей срывался единодушный вздох восхищенія.

Н. Долгов.

Безотвѣтные вопросы.

I.

В. Брюсов цитирует в «Эпохѣ» В. Розанова:

«А стишки пройдут, даже раньше. чѣм истлѣет бумага»...

И возмущенно оппонирует В. Брюсов:

«Господа представители черни, и Вы, г. Розанов, в их числѣ! Вам давно, и многими, было из'яснено, что о «пользѣ» поэзія не помышляет и приносить оную не собирается... Что в силах принести пользу людям, улучшить, усовершенствовать их существованіе? Наука, просвѣщеніе, высокая культура духа. Но что же способствует этой культурѣ духа больше чѣм искусство» и т. д., и т. д.

Бѣдный, бѣдный, г. Розанов. Шутка ли «отповѣдь» такую пережить?

Но не думаете ли Вы, г. Валерій Брюсов, что у г. Розанова про «стишки»—это немножко серьезнѣе, а главное умнѣе и глубже, чѣм полагали Вы в ражѣ своего возмущенія?

К тому же, не кажется ли Вам, что и г. Розанов, и даже «чернь», знакомы, давно знакомы, с блестящей аргументаціей Вашей в защиту поэзіи?

И как же полагаете Вы, столь основательно вскрывающій в той же статьѣ содержаніе понятій «пошлый» и «банальный»,—как же полагаете Вы касательно своей «отповѣди» Розанову, что она—пошла, банальна, или просто на просто не в мѣру... развязна?

II.

Вышел № 1 литературной газеты «Ирида».

Не газета, а Пантеон какой то.

Недаром у «Ириды» такой величаво-спокойный, исполненный благолѣпія и торжественности тон.

Читаешь когда, если бы только не указанія в передовицѣ на какія то там типографскія затрудненія и еще всякія вскольз брошенныя замѣчанія, кажется, что в Россіи

нашей рѣшительно ничего не произошло и даже наоборот.

Взгляните только хотя бы на заглавіе статьи академика Н. Котляревскаго:

«О нем наше первое слово»!

О ком?

Да, о Пушкинѣ.

Тут Россія разсыпается, прогнившая крошится на кусочки, а академик Котляревскій как застыл на позовчешномъ словѣ, так с мѣста его не сдвинешь.

И всю «Ириду» тоже.

Вы бы, г-да академики и профессора, велирѣчивости и благолѣпію своимъ хотя бы на минуту измѣнили.

Ну зарычали бы от боли, вѣдь больно же Вам?

Или выругались бы скверно, о благопристойности забыв.

Неужто же из «него» Россію строить собираетесь?

Или же сладким томленьем по «нем» обновить ее хотите?

И не кажется ли Вам, что подпоркам из академическаго благодушія сейчас не выдержать.

Вѣдь не выдержат же?

III.

У лѣваго эс-эра Александра Блока настроеніе душевное не оставляет желать лучшаго.

«Думаю,—пишет он в № 1 «Нашего Пути», не так уж мало сейчас людей, у которых на душѣ весело, которые хмурятся по обязанности».

Значит весело Александру Блоку?

Еще бы не весело было в таком идиллическом настроеніи:

«она (русская революція) лелѣет надежду поднять міровой циклон, который донесет в заметенныя снѣгом страны—теплый вѣтер и нѣжный запах апельсиновых роц; увлажнит спаленныя солнцем степи юга—прохладным сѣверным дождем»...

Вдыхать нѣжные запахи апельсиновых роц, конечно, всякому лестно, но вѣдь до сих пор «міровой циклон» таковых до нас донести не успѣл и сам Ал. Блок признается,

что «пока донесет Россіи суждено пережить муки, униженія и раздѣленія».

«Стыдно сейчас, — продолжает Блок, бодростью упоенный, надмеваться, ухмыляться, плакать, ломать руки, ахать над Россіей, над которой пролетает революціонный циклон».

Но не постыдно ли муки и униженія сегодняшней Россіи, ублажать рощами апельсиновыми?

И не отвратительно ли униженную Россію поучать сейчас елейными и паточными словами той же статьи из «Нашего Пути»:

«Не стыдно ли издѣваться над безграмотностью какихнибудь об'явленій или писем, которыя писаны доброй, но неуклюжей рукой? Не стыдно ли гордо отмалчиваться на «дурацкіе» вопросы? Не стыдно ли прекрасное слово «товарищ» произносить в ковычках?»

Не стыдно-ли, Александр Блок?...

IV.

К. Бальмонт написал брошюру под названіем:

— «Революціонер я или нѣт.»

Неужели и этот будет сейчас веселиться на страницах новой брошюры и спѣшить в выраженіи вѣрноподаннических чувств?

Однако оказывается, что этот то как раз и не веселится вовсе, и даже наоборот — изнывает в гнѣвѣ на тѣх, кто «упивается кровью, утирается жестокостью, улыбается убійству и обнимает грабеж».

И про запахи апельсиновых рощ и міровые циклоны в брошюрѣ Бальмонта тоже ничего не сказано.

Но все же и Бальмонт «радуется», правда радуется по своему.

— «Кто я? — спрашивает он.

— Русскій... по происхожденію сын помѣщика и дворянин... по судьбѣ своей прославленный поэт, имя котораго извѣстно не только в Россіи, но и в Европѣ, и дальше в Японіи, гдѣ у меня есть вѣрные почитатели и преданные друзья.

«Но если я чему нибудь радуюсь особенно глубоко, это

не тому, что имя мое стало озаренным и даже не тому, что судьба даровала мнѣ истинный поэтический дар»...

А дальше слѣдуют неинтересные рассказы из біографіи, ужасно неинтересные, хотя и вѣрим мы, что у поэта есть почитатели даже в Японіи, отчего рассказы из біографіи рѣшительно ничего не выигрывают, также как и политическія разсужденія Бальмонта о том, что «мір стоит на неправдѣ» и что «всѣ должны пользоваться благами жизни и приникать к красотѣ міра».

Политическіе же стихи Бальмонта, собранные в брошюрѣ, тоже отнюдь не свѣтят отраженным свѣтом озареннаго имени поэта, а по существу дѣла суть просто на просто скверные, совсѣм скверные, и недостойные стихи.

И удивляешься, как в этой брошюрѣ, посвященной «Родному Дому—Россіи», зовущей «во имя челоувѣческаго достоинства и честной, а не постыдной, жизни—к бою», как много в ней ненужных и часто постыдных слов и как мало о Родном Домѣ.

«Но в мірѣ, гдѣ лгут, все не то»,—говорит Бальмонт. Однако то ли—в послѣдней брошюрѣ самого поэта?...

Виктор Ховин.

Наш Современник.

Так мѣтко назвал Аполлона Григорьева, кажется, А. Блок. Того Аполлона Григорьева, духовный облик котораго не умѣщается ни в какія рамки наших опредѣленій, который не дошел до нашего трафарета или перешагнул через нашу формулу.

«Гуляка праздный», пишуцій едвали не лучшія свои статьи в с'ѣзжем домѣ, куда недовѣрчивые кредиторы не раз отправляли критика за долги, или при нравственных пытках неудачливой семейной жизни—Григорьев, дѣйствительно, не жил, а скитался. Никому не дано сказать, кто он был: славянофил, западник, «почвенник» и пр. пр. Григорьев остался самим собой, крупной индивидуальностью,

интересным человеком и неопровержимым поэтом и писателем. Он обладал быстрым пером, искренностью и пылом, тревожностью в исканіях и не умеренностью в восторгах—точь-в-точь как неистовый Виссаріон, в талантѣ он не уступал Добролюбову, острер, находчив и буен был не менѣе, чѣм «мыслящіе реалисты» и «критическія личности» послѣдующих годов.

И все таки он пребывал в неизвѣстности, и все таки его сочиненія в полном видѣ только теперь появляются из под спуда на Божій свѣт. Проклятая дѣйствительность прошлаго, часто разцѣнивающая произведенія по тому, сколько скрупулов либерализма и прогрессивности заключается в них, отравила современников критика, они просмотрѣли в нем главное и скоро забыли его. Даже для пріятеля критика, шовиниста Погодина—Григорьев был человеком который не знает, в каком углу ему Богу молиться, в каком . . . . . Для западников он был чужой, потому что не подходил под их канон.

Григорьев дѣйствовал и писал так, как ему «говорила кровь», иначе он жить не мог. Поэтому он и погиб и остался забытым, заброшенным. Теперь Григорьев рождается вторично, уже нашим современником, со своей правдивой, глубоко русской; здоровой душой без квасного патриотизма, так помрачившаго самое понятіе—любовь к родинѣ, к отечеству. Его націонализм близок и родственен многим из нас, а главное так нужен теперь, ибо «сим побѣдиши».

— «Полное собраніе Григорьева» под редакціей В. С. Спиридонова и «Матеріалы для біографіи» В. Н. Княжнина—труд искупительный за грѣхи отцов наших пред памятью А. А. Григорьева. В изданіе Влад. Княжнина, кромѣ писем и документов литературных и біографических, вошли «Листки скитающагося софиста» и «Мои литературныя и нравственныя скитальчества». Матеріалам предпослана талантливо написанная статья редактора «А. А. Григорьев и Л. Я. Визард». Под редакціей В. С. Спиридонова вышел первый том «Полнаго собранія сочиненій» со «Скитальчествами», и статьями «Русская литература в 1851 г.».

«Русская изящная литература в 1852 г.», «О комедіях Островскаго». К нему приложен основательно составленный редактором очерк жизни Григорьева и напечатаны примѣчанія, говорящія о больших познаніях автора, глубоком пониманіи творчества критика и капризных изгибов его незаурядной души; там же помѣщена статья внука Аполлона Григорьева, В. А. Григорьева.

А. Поляков.

Неумѣстное политиканство.

Если сапожник напишет на подошвах изготовленной для продажи обуви «я люблю Вас Наденька», или портной вышьет на подкладках «вся власть совдепам»,—это будет неумѣстно. Во—первых потому, что, изготовляя обувь и платье, сапожник и портной выполняют опредѣленное общественное дѣло, в которое не пристало впутывать соображенія личнаго характера, как бы искренни они ни были; во вторых потому, что потребитель совершенно не интересуется романическія или политическія переживанія людей, связанных с ним соціально, а не лично. Навязывать же никто не вправѣ.

Поэты держатся на этот счет иного взгляда. Выполняя свою общественную работу (созданіе поэтических цѣнностей), они находят возможным попутно наговорить уйму вещей из личной жизни, до которой никому никакого нѣтъ дѣла. Так поэтесса Гиппиус, видимо, недовольная разгоном Учредительнаго Собранія, Брестским миром и пр. большевистскими мѣропріятыями, вписывает в сборник своих стихов «Послѣдніе стихи» слѣдующее:

Наших дѣдов мечта невозможная,
Наших героев жертва острожная,
Наша молитва устами несмѣлыми,
Наша надежда и воздыханіе,—
Учредительное Собраніе,—
Что мы с ним сдѣлали...

далѣе:

Пиши миры свои,—ты мой.
И чѣм миры похабнѣй—
Тѣм крѣпче связь твоя со мной
И цѣпи неослабнѣй.

и еще:

О, петля Николая чище,
Чѣм пальцы сѣрых обезьян.

А поэт Блок, явно сочувствующій лѣвым партіям, выражает свои политическія симпатіи так (поэма Двѣнадцатъ»):

Мы на горе всѣм буржуам
Міровой пожар раздуем...

Стоит буржуй, как пес, голодный
Стоит безмолвный, как вопрос.
И старый мір, как пес безродный,
Стоит за ним, поджавши хвост.

И так поэтесса Гиппіус примыкает к правым, а поэт Блок к лѣвым политическим группам. Превосходно. Но какое дѣло до этого нам, потребителям их стихов? что дало им право заводить с нами политическіе разговоры; с нами, благоговѣйно пришедшими к ним за стихами? И развѣ не оскорбительно такое неумѣстное политиканство и для поэта, и для поэзии, и для нас, которым стихи—хлѣб насущный.

Отказ от политических тем? Отнюдь нѣтъ. Темы политическія наряду с прочими (религіозными, романическими, бытовыми) вполне пригодны для поэтических построений матерьял. Но для этого политика, романтика, религія должны стать темами, претвориться из личнаго переживанія в поэтическій матерьял. Воспѣвающій любовь, как тему—поэт; воспѣвающій «свою» любовь к (имя рек)—только влюбленный рифмоплет.

Сборник стихов—не дневник, а трудовая дань поэта обществу.

Брикъ.

ПЫЖИКИ.

Хорошо извѣстно: самый сильный—самый смиренный.
Главное, мало ему что мѣшает—мало ему что замѣтно.
А вот нахалы, задиры, пѣтухи, даже не пѣтухи, а так,
пыжики—тѣ хорохорятся.

Жил большой, необ'ятный, Уитмэн. И увидѣть он умѣл
не теперь—много их провидцев двухвершковых послѣ марта
у нас (особенно послѣ октября)—а в серединѣ прошлаго
столѣтія увидѣл, что старый мір кончен, кончается, дол-
жен кончиться, что новое впереди — новый день, новый
человѣкъ и голос у новаго—новый.

Увидѣл; да возьми и скажи.

И какія слова у него, Какой голос!

Только Уитмэн—вот уже сколько времени прошло, и
только он, один Уот единый—подлинный провозвѣстник и
гимнопѣвец грядущей демократіи—и только в нем не про-
катно, а правдой поет:

— Отречемся от стараго міра,

Отряхнем его прах с наших ног!

И в этом весь паѳос Уитмэна.

Зерно его пѣсни: отречемся от всего стараго в мірѣ,
отряхнем до послѣдней пылинки старый прах.

Гряди, новый!

«Муза! Бѣги из Эллады, покинь Іонію,

Сказки о Троѣ, об Ахилловом гнѣвѣ забудь!»

К Парнассу табличку прибей:

«За от'ѣздом сдается в наем!»

Муза уже

«здѣсь! На кухнѣ, средь посуды!»

Ее не страшат

«жужжаніе наших машин и рѣзь паровозных
свистков,

ее не смущают ни стоки дренажа, ни цифер-
блат газометра».

Потому что

«скончался для нас навсегда этот мір когда то
могучій,

Нынѣ опустѣлый—отлетѣла душа!—призрачный
опустѣлый мір,
шелками расшитый, слѣпительно яркій, но чужой,
королевскій, поповскій!»

Но взрывать его? Свергать? Зачѣм?

Уитмэн его просто не замѣчает.

Ему не до того.

Он творит свою Литургію, слагает свой сегодняшній
гимн музѣ на кухнѣ:

— Муза! Я тебѣ принесу наше здѣсь, и наше
сегодня!

Пар, керосин и газ, великіе желѣзные пути!

Трофеи нынѣшних дней: нѣжный кабель Атлантика,
И Суэцкій канал и Готардскій туннель.

А для царскаго мѣста—Парнасса, у него только и есть,
что табличка, а на ней:

«за от'ѣздом сдается в наем».

И ничего больше.

И разрушать не надо.

—

А тут кругом только и писку, что в «морду!»

Только и дѣла, что жуют давно сѣдѣющіе зады футу-
ристов.

То—разрушить, Это—взорвать, то—изничтожить.

«во имя нашего Завтра—Сожжем Рафаэля.

Разрушим музеи, растопчем искусства цвѣты! **)

Это какой то Влад. Кириллов.

«Мы сорвем памятники с их п'едесталов, — энтузіазм
живой толпы при таком зрѣлищѣ—цѣннѣе мѣднаго идола!»

Это—какой то Луначарскій.

У футуристов хоть цѣль была, épater, возмутить, по-
издѣваться—а у этих?

Épater?—Никого теперь не с'эпатируешь!

Возмутить? Поиздѣваться? Это не всякому дано—и уж,
конечно, не этим!

*) Переводы К. Чуковского.

***) Изд. Пролеткультское.

И сколько их кругом, не пѣтухов, а так, пыжиков, хорохорятся!

Горе! Время не то! У других посмѣялись бы хоть, а у нас, да теперъ еще—боязно: а вдруг как и в правду сожгут!

Отпилили же в Москвѣ у Скобелева половину: конь да ноги, на площади стоят! *)

Натан Венгров.

Литературная хроника.

— Московское издательство «Вѣнок» открыло подписку на выходящее в скором времени «роскошное изданіе»— «Подвиги Великаго Александра» М. Кузьмина. Обложка, фронтиспись, концовки и раскрашенные от руки рисунки работы П. Кузнецова. Цѣна на изданіе по подпискѣ 100 р.

— Из-во Пашуканиса открыло подписку на новое изданіе стихов В. Гофмана, выходящее в свѣтъ осенью.

— Готовится к печати 2-й сборник «Эпоха», в котором между прочим будет напечатана поэма В. Брюсова.

— Из-во Сабашниковых в скором времени приступает к печатанію: 1) Лонгфелло—«Пѣснь о Гайватѣ» (2-е изд. без иллюстр.), 2) Былин, т. I (2-е изд.), 3) Лукіана, т. II, 4) Библии, 5) Дневника Шингарева (2-е изд.) и 6) Сборника памяти Шингарева.

— Из-во «Луч» выпустило монографію о Бердслеѣ и предполагает выпустить монографію о Ропсѣ.

— В Москвѣ из-во «Шоймер» на днях выпускает монографію о творчествѣ художника Марка Шагала.

В том же из-вѣ печатается Еврейская графика Н. Альтмана.

— По примѣру «Пантеона Міровой Литературы» Сабаш-

---

*) По послѣдним свѣдѣніям ноги тоже убраны, остался конь.

никовых Петербургское из-во Цукермана выпускает комедіи Аристофана в переводѣ с введеніем и примѣчаніями Академика Никитина и профессора Казанскаго Университета Шестакова.

— Из-во «Задруга» предполагает приступить к выпуску литературных альманахов при участіи А. Ремизова, Е. Замятина, А. Чапыгина, В. Шишкова, А. Добронравова, Г. Гребенщикова и др.

— В ближайшее время выходит № 2 журнала «Мысль», который повидимому станет ежемѣсячным изданіем.

— Из-во «Дом на Песочной» готовит книгу стихов Ады Владиміровой.

— Из-во «Сегодня» (Артель художников) выпускает книгу стихов Н. Венгрова «Звѣрушки» (дѣтям). Книга выйдет с большим количеством иллюстрацій работы художников Н. Альтмана, Ю. Анненкова, В. Ермолаевой, Н. Лапшина, Н. Любавиной и Е. Туровой.

— В скором времени в изданіи О. М. Брика выходят отдѣльные выпуски под общим названіем «Матеріалы по исторіи русской культуры». Каждый выпуск предполагается размѣрами не болѣе 1½—2 листов. В настоящее время подготовлены уже к печати два выпуска; 1) «Новооткрытые документы о смерти Пушкина» и 2) «С. Т. Аксаков и его цензорскія неудачи». Выпуски III и IV будут посвящены исповѣди славянофила Θ. В. Чижова. К изданію привлекается ряд литераторов и историков литературы. Обѣщаны матеріалы о славянофилах ранняго періода, об И. С. Тургеневѣ и пр. Матеріалы будут выходить под общей редакціей А. С. Полякова.

— При организуемомъ в настоящее время контрагентствѣ «Имо» (Искусство Молодых), инициатором котораго является О. М. Брик, открыт уже книжный склад. На складѣ имѣются изданія футуристов, артели «Сегодня», «Очарованнаго Странника», «Союза молодежи», «Авентюры», «Альціоны», «Мусажета», «Триремы» и др. Склад помѣщается по Фонтанкѣ № 5 (у Симеоновскаго моста).

— Репертуарная секція театральнаго отдѣла приступила к переводам и изданію слѣдующихъ пьесъ западно-европей-

скаго театра. Французскій театр. Вольтер Чудаки. Скриб. Бертран и Ратон. Нѣмецкій театр. Гуцков. Пугачев. Вильбрандт. Лизистрата. Гракх, народный трибун. Гарборг. Непримирымые. Грильпарцер. Любуша. Демель. Между двумя мірами. Розеггер. В день суда. Хатлебен. Ганна Ягерт. Шауфферт. Отец Бран. Ганс Закс. Масленичныя дѣйства. Испанскій театр. Сервантес. Нуманція. Тамайо-и-Баус. Новая драма. Итальянскій театр. Антони Траверси. Восхождение на Олимп. Бон, Франческо Аугусто. Завѣщаніе Фигаро. Гаццолетти. Монолог Колумба. Апостол Павел. Дусакоза. Красный граф. Партія в шахматы. Сильнѣйшій. Дусакометти. Жена изгнанника. Каррера. Странствія цыгана по озерам и морям. Косса. Нерон. Плавт и его время. Юліан отступник. Никколини. Джованни из Прогиды. далль-Онгаро. Маленькій булочник. Роветта. Романтизм. Сомма. Кассандра и др.

— Историко-театральная секція театральнаго отдѣла в ближайшее время выпускает в свѣтъ «сборник», в котором будут помѣщены: «Некролог И. А. Шляпкина». А. М. Брянскій. «О Мартыновѣ». В. И. Всеволодскій-Гернгросс. «Обрядовый русскій театр» и Библиографическій указатель матеріалов по исторіи театра Россіи в XVIII в. П. П. Гнѣдич. «Репертуар государственных театров с 1881—1890 гг.». П. О. Морозов. «Итальянскій театр и итальянскіе актеры во вторую половину XIX в.». С. Э. Радлов. Искусство античнаго театра и др.

— В ближайшее время выходит 8—10 № журнала «Аполлон» за истекшій год. В нем будут напечатаны статьи: М. В. Бабенчикова, Е. М. Браудо, В. А. Дмитріева, Н. Э. Радлова, В. Н. Соловьева, Я. Тугенхольда и др.

— Открылся второй петроградскій книжный кооператив «Studium», который ставит своей цѣлью снабженіе членов кооператива книгами по доступной цѣнѣ, организацію обмѣна книгами между частными лицами и обмѣна учебниками, как между учебными заведеніями, так и между

отдѣльными учащимися. Всѣ справки о кооперативѣ можно наводить в помѣщеніи кооператива (В. О., 2-я линія, д. 15, кв. 3) у Г. С. Гингера.

Библиографія *).

Художество.

88. Уходящая Москва (Московскіе дворики). В гравюрах Ивана Павлова. Роскошн. изд. М.—100 р.

Останкино. В гравюрах И. Павлова. Роск. изд. М.—100 р.
Сергіев-Посад. В гравюрах И. Павлова. М.—60 р.

89. Обри Бирдслей. Книжная графика. Стр. 95 с 33 рисунками и списком произведеній, иллюстрированных Бирдслеем. Спб.—6 р.

Литература.

90. «Альманах Муз». Кн. I. Пѣсни Любви. Стр. 24 с рисунками. Изд. Васильева. М.—5 р.

91. Бальмонт, К. Революционер я или нѣт. Стихи и проза. Стр. 48. Изд. «Верфь». М.—1 р. 50 к.

92. Ал. Блок. Двѣнадцать. Скифы. Стихи. Предисловіе Иванова-Разумника:—Испытаніе в грозѣ и бурѣ». Стр. 48. Изд. «Революціонный Соціализм». Спб.—1 р.

93. Бунин, И. Собраніе сочиненій. Т. X. Разказы и стихи. Стр. 192. Изд. «Парус». Спб.—6 р.

94. Гейне, Г. Диспут. (Из еврейских мелодій. Находилось под ценз. запретом). Перевод Е. Рахмилович. Стр. 16. Изд. «Эмбріон». М.—80 к.

95. М. Зенкевич. Четырнадцать стихотвореній. Стр. 2 Из-во «Гиперборей». Спб.—2 р.

96. С. Есенин. Голубень. Стихи. Стр. 78. Изд. «Революціонный Соціализм». Спб.—2 р.

97. Каллиников, I. Стихи. Изд. автора. Орел.—1 р. 25 к.

98. Петр Орѣшин. Зарево. Стихи. Стр. 92. Изд. «Революціонный Соціализм». Спб.—3 р.

99. Скороходов, М. Сирень над камнем («Пѣснь вторая»). Паркет («Пѣснь третья»). Стихи. Стр. 80. Спб.—2 р.

100. Ромашко, И. К. Сны. 61 стр. (Стихи). М. 1918.—4 р.

---

*) Библиографія в № 1 «Книжнаго Угла» доведена до 1-го Іюня 1918 г. В настоящій перечень помимо книг, вышедших послѣ 1-го Іюня, включены и не перечисленныя в предыд. №, но вышедшія в 1918 г.

101. Тагор. Перевод из разных книг в стихах Грузинского. Стр. 96. Изд. «Грань». М.—2 р. 50 к.
102. Даманская. Стеклянная Стѣна. Разказы. Стр. 248. Изд. «Жизнь и Знаніе». Спб.—5 р.
103. Грація Деледда. Тоскуюція Души. Ром. пер. Журавской. Стр. 216. Изд. «Сѣверные Дни». М.—4 р.
104. Локк У. Дж. Чудесный год. Роман. Т. I. К-во «Соврем. Пробл.». М. 1918.
105. Морозов, Н. Повѣсти моей жизни. Т. II. Стр. 280. Изд. «Задруга»—6 р. 50 к.
106. Морозов, Н. Повѣсти моей жизни. Т. III. Стр. 264. Изд. «Задруга»—7 р. 50 к.
107. А. Чапыгин. По звѣриной тропѣ. Разказы. Стр. 190. Изд. Аверьянова. Спб.—3 р. 25 к.
108. Толстой, Л. Воскресеніе. Роман. Текстовая реставрація Б. С. Боднарского. Первое полное русск. изд. Стр. 299. Изд. «Народная Мысль». М.—8 р.

Исторія Литературы и Критика.

109. Айхенвальд, Ю. Силуэты русских писателей. Вып. I. Изд. 5-е испр. Т-ва Мир. М. — 10 р.
110. Н. Я. Абрамович. Женщина и мир мужской культуры. Мировое творчество и половая любовь. 2-е изд. Стр. 122. Изд. «Свобода». М.—3 р. 50 к.
111. Венгеров, С. А. Критико-біографич. словарь русских писат. и ученых. 2-е переработан. изд. Т. II, вып. 5. Предварительный список русск. писат. и ученых и первая о них справки. Спб.—5 р.
112. Буш, В. В. Прив.-доц. Памятники стариннаго русск. воспитанія (К исторіи древне-русск. письменности и культуры). Стр. 118. Спб.—3 р. 75 к.
113. Григорьев, А. Полное собр. соч. и писем. Под ред. В. Спиридонова, со статьями проф. С. А. Венгерова и прив.-доц. В. А. Григорьева. Т. I. Стр. XCIV+360. Изд. П. П. Иванова. Спб.—10 р. 75 к.
114. Пушкини его современники. Матеріалы и изслѣдован. Вып. XXIX—XXX. Изд. Комиссіи для изданія сочин. Пушкина при Академіи Наук. Стр. 235+16. Спб.—3 р. 50 к.
115. Родзянко, О. Творчество (Бесѣды с Корделіей с прилож. статьи «Эмоціональность и творчество»). Стр. 88—3 р. 50 к.

Философія и Религія.

116. Евангеліе. Перевод и изложеніе Л. Н. Толстого. С примѣч. автора, извлеченн. из его книги: «Соединеніе, перевод и изслѣдованіе 4-х евангелій». С прилож. «Перваго посланія Іоанна Богослова» в перев. Л. Н. Толстого. Под ред. В. Г. и А. К. Чертковых. Изд. Кн-ств «Свобода» и «Единеніе». М.—7 р. 20 к.

117. Пругавин, А. С. Неприємлющіє міра. Очерки релігійозних исканій. Изд. «Задруга». М.

118. Н. Рыбников. Релігійозна драма ребенка. М. 1918. 16 стр. Изд. Библ. Педагог. Муз. Учит. Дома.—60 к.

Исторія.

119. Захаров, А. А., прив.-доц, Очерк Эгейскаго міра. Стр. 56 с иллюстр. Изд. «Практическія Знанія». Серія Б. (Всеобщая Исторія) № 1.—1 р. 75 к.

120. Сидоров, А. А., прив.-доц. Что такое средніє вѣка. Стр. 62 с иллюстр. Изд. «Практич. Знанія». Серія Б. (Всеобщ. ист.) № 3—4.—2 р.

121. М. Я. Феноменов. Путешествіе в Московію в XVII в. (Русскій народ по запискам иностранцев). Стр. 60 с иллюстр. Изд. «Практическія Знанія». Серія А (Русская исторія № 1).—1 р. 75 к.

122. «Древній мір на югѣ Россіи». Стр. 102 с 6 цвѣтными таблицами и 19 рисунками. Изд. типографіи Левенсон. М.—Ц. в папкѣ—6 р. 50 к.

123. Тарле, Е. В., про ф. Запад и Россія. Статьи и докум. из исторіи XVIII—XX в.в. (Сод.: Предисл.; Импер. Николай I и крест. вопрос в Россіи; Импер. Николай I и франц. общественное мнѣніе; Письма Герцена к Э. Кинэ; Герцен и германская государств.; Была ли Екатерининская Россія экономич. отсталою страной? Англійскій посол и Екатерина в 1756—57 г.г.; Соглядатай Наполеона I о русск. об-вѣ; Послѣдніе дни наполеон. арміи в Россіи; Полит. программы 1854 г.; Выдача Л. Г. Дейча; К исторіи 1904—1907 г.г.; Приложение). Стр. 219. Изд. «Былое».—6 р. 50 к.

О Россіи и Революціи.

124. Большевики у власти. Соціально-политич. итоги октябрьск. перев. Статьи Д. Розенблюма (соц.-психолог. основы большевизма), В. Чернова (Внѣшняя полит. большев.), Ртищева (Партія стихійно-демократизирующей арміи), М. Вишняка (Больш. и демократія), Н. Святицкаго (Больш. и Всероссійск. Учред. Собр.), П. Киржанова (В защиту мѣстн. самоуправл.), В. Лункевича (Больш. и интеллигенція), Д. Ракова (Финанс. полит. большев. власти), А. Николаева (Больш. и кооперац.), В. Пана (Экономич. послѣдствія основнаго закона о социализ. земли), Н. Кондратьева (По пути к голоду), М. Гендельмана (Больш. и диктатура рабоч. класса). Стр. 291. Изд. Т-ва «Революціонная Мысль». Спб.—10 р.

125. Верховскій, А. И. Россія на Голгоѣ. (Из походн. дневника 1914—18 г.г.). Стр. 141. Спб.—5 р.

126. Народ и армія. Статьи Верховскаго, Потресова и др. Стр. 212. Изд. «Дѣло Народа». Спб.—7 р.

127. Керенскій, А. Ф. Дѣло Корнилова. Стр. 194. Изд. «Задруга». М.—6 р.

128. Иванов-Разумник. Год революції. Статті 1917 г. Стр. 204. Изд. «Революційный Соціалізм». Спб.—4 р.

Разное.

129. Багрій. А. В. Проф. В защиту цѣнностей духа. (Из отчета по сохраненію памятников старины, искусства и культуры в районѣ военн. дѣйствій). Стр. 20. Самара—1 р.

130. Пасманик, Д. О. Судьбы Еврейскаго народа. (Проблемы евр. общественности) Изд. «Сафрут» М. 1918. 237 стр.—6 р.

131. Плеханов, Г. В. Исторія русск. общ. мысли т. I. изд. «Мір» М. 1918.

132. Жорж Деэрем. Живая демократія. С предисл. министра-презид. Ж. Клемансо. Перев. с франц. Е. Тотоміанц. Стр. 49. Изд. «Кооперативный мір». М.—1 р. 50 к.

133. Л. Шишко. Собр. Соч. Т. IV. Статті по вопросам экономики и исторіи. Стр. 287. Изд. Т-ва «Революційная Мысль». Спб.—8 р.

134. Грав, Ж. Умирающее общество и анархія. Стр. 139. Изд. «Бунтарь». М.—2 р. 25 к.

135. Маццини, I. Обязанности человекѣка. Перевод с 50-го итальянск. изданія. Н. Вейцлер с прилож. біографіи, написанной проф. В. Тотоміанцем. Стр. 128. Изд. «Кооперативный мір». М.

136. Фурье Ш. Избранныя сочиненія. С предисл. и біограф. Фурье проф. Ш. Жида. Перевод с франц. Р. Фишман под ред. проф. В. Э. Тотоміанца. Стр. 147. Изд. «Кооперативный мір». М.—4 р. 50 к.

Журналы и Сборники.

137. Голос Минувшаго. № 1—2—3. Январь—Февраль—Март. Сод.:—В. И. Волгин. Жан Мелье и его завѣщанія.—П. С. Батурич. Записки (1780—798 г.г.) с предисл. Б. Л. Модзалевскаго.—И. А. Линниченко. Прерванный юбилей.—А. А. Сидоров. Из записок московск. цензора (1909—917 г.г.).—И. Х. Шванебах. Записки сановника (политика П. А. Столыпина и вторая Г. Д.).—М. Е. Федорова. Московскій отдѣл священной дружины.—М. М. Клеванскій. И. С. Тургенев в каррикѣх и пародіях (с рисунк.).—А. С. Поляков. Царь Миротворец. Из переписки москов. славянофилов с предисл. А. А. Кизеветтера. — М. А. Цявловскій. Московская охранка в 1915 г.—И. В. Генерал Духонин в ставкѣ.—В. Н. Карякин. Московская охранка о А. И. Шингаревѣ.—Мелочи прошлаго.—Библіографія.—10 р.

138. Русская старина. Январь—Февраль. Сод.:—Статті подлежащія напечат. в 1918 г.—Отзвуки далекаго прошлаго. А. Э. Кони.—Воспоминанія о Достоевском. А. И. Савельева.—Дневник академика В. П. Безобразова. 1888 г.—Отрывок из неизд. письма Гоголя.—П. И. Вейнберг, И. Э. Горбунов и Д. В. Аверкиев. Сообщил Р. И. Сементковскій.—Петр Великій и шведскіе послы в 1699 г. Перевел со шведскаго Полтарацкій.—Е. Г. Темницына—дочь

великолѣпн. князя Тавриды Потемкина и Высокой особы. Сообщ. Чеважевскій.—Мимоходом. В. И. Мерцалов.—Из старых дѣл. Сообщ. М. Ф. Чулицкій.—К воспоминаніям о Т. Шевченкѣ. Сообщ. Т. Чернытнскій.—Пугачевская жалованная грамота на чин полковн. Сообщ. священ. Н. Модестов.—Мои встрѣчи с герм. войсками внутри Россіи наканунѣ войны 1914—16 г.г. Сообщ. Ф. Сурин.—В чужой странѣ. Л. К. Бѣльковича.—Замѣтки. Петроград. обыват. во время русско-нѣм. войны. В. П.—А. Д. Бутовскій. П. Воронов.—Императрица Елисавета и князь Чарторижскій. Сообщ. Е. С. Шумигорскій.—Обзор записок гр. Матвѣева и вновь открытых вариантов их о стрѣльцком полковн. Сухаревѣ. Сообщ. А. В. Лонгинов.—Библ. листок.—Портрет А. Д. Бутовскаго. Стр. 160.

139. Русская Мысль. № 1—2. Январь—Февраль.—Игн. Ломакин. Моя пріятельница. Повѣсть.—Глѣб С. Стихотв.—Джон Геллоуорси. В помѣщичьем домѣ. Ром. перевод. Э. Пименовой.—З. Тулуб. Стихотв.—Е. Урусова. Дядя Пим. Очерк.—Фр. Жамм. Избранныя сказочки. Перев. А. Чеботаревской.—Е. Слуцкій. Стихотв.—К. Мендес. Семьдесят три дня коммуны. Перев. А. Чеботаревской.—Теа Эс. Стихотв.—Ө. Сологуб. Наблюд. и мечты о театрѣ.—Кн. Трубецкой. Россія в ея иконѣ.—Н. Н. Шапошников. Земельный переворот и благо народа.—А. С. Изгоев. О заслугах большевиков.—Л. Гроссман. Тютчев и сумерки династіи.—И. О. Левин. Промышленное значеніе Лотарингіи.—Н. Бердяев. Идеи и жизнь.—Критическое обозрѣніе.—8 р.

140. Великій Океан. Книга IV—V.—От редак.—Н. Асѣев. Звѣздный урожай.—К. Рослый. На вечернѣ.—Н. Амурскій. По странам Дальн. Востока.—Н. Новицкій. Домой.—В. Башалов. Письма в деревню о plastica и искусствах.—Н. Спенглер. Чѣм люди живы.—П. План оборудов. портов на побережья Тихого Ок.—Ф. Музычук. Очерки деревенской жизни.—Н. А. О пасынках природы.—Соловьев. Продовольствіе Области.—В. П. Богушевич. Что такое опытное поле?—П. Уткин. Выход к океану.—*.*. Отношенія земств и земельных комитетов.—З. Матвѣев. Земство и библиотечное дѣло.—К товарищам кооперат.—Статьи по коопераціи. Н. Бодраго, И. Вегрина, В. Пестрикова.—Хроника.

141. Наш Путь. № 2. Май. Сод.:—С. Есенин. Июнія. Поэма.—А. Бѣлый. Дневник чудака. Отрывок из повѣсти.—К. Эрберг. Враг. Стихи.—А. Чапыгин. Одна душа. Роман. Продолж.—С. Басов.—Верхоянцев. Макар. Сказка.—Ж. Рони. Красный Вал. Ром. перевод с франц. Продолж.—А. Бѣлый. Христос Воскрес. Поэма.—А. Бѣлый. На перевалѣ —Иб. Разумник. Литература и революція.—Е. Лундберг. В своем углу.—По нагорьям искусства. Статьи К. Эрберга, А. Аврамова, В. Держановскаго, Б. Кушнера, Наля, Шах-Эддина.—Мстиславскій. Свое и чужое.—Б. Камков. Пути революціи.—В. Левин. Рабочая жизнь.—Штейнберг. Харьков, Таганрог, Ростов.—В. Трутовскій. Крестьянство и империализм.—П. Прошьян. Русская револ. и К. Маркс.—Памяти Плеханова. Критика и библ. Стр. 270,—5 р.

142. Книга. № 1—2 (Янв.—Февр.). Журнал, посвященный вопросам практич. книговѣдѣнія и книжн. торговли. Стр. 64. Изд. Т-ва «Кооперативное из-во». М.—40 к.

143. Народный театр. Журнал (выходит 10 раз в год). Март № 1. Изд. Секціи содѣйствія устройству деревенских, фабричн. и школьных театров при М. О. Н. У. Стр. 32. М.—1 р. 20 к.

144. Бюллетени Литературы и Жизни. Кн. 10. Сод.: Разрушающая и созидаящая работа личности. Душа вещей («О вещах», сказочка Фр. Жамма). Интуиція-родник подлинной свободы человѣческой. Футурист о природѣ. Роль социальнаго воспитанія в развитіи личности. Праматерь нашей культуры (Вопрос об Атлантидѣ). Отзывы о книгах. Указатель книг по вопросам социальнаго воспитанія. Новыя книги. М.—1 р.

145. Библиографическій Вѣстник т-ва «В. А. Березовскій». (Бывшій «Вѣстовой») № 243. Стр. 16. СПб.—50 к.

146. Библиографическій Вѣстник т-ва «В. А. Березовскій» № 244. Стр. 32.—50 к.

147. Чтенія в Общ. Истор. и Древн. Россійских при Моск. Унив. Книга первая. Акты времени Лжедмитрія I (1603—1606 г.). Под ред. Н. В. Рождественскаго.—3 р.

148. Голос Церкви. № 4. Апрель. Сод.:—С. Ѳомичев. Пасхальный звон. Б. Широков. Стихотв.—Н. В. Чехов. Религія в школѣ.—Я. Богатенко. Об организ. музея при Старообрядческом Институтѣ.—П. Власов. К первоначальной исторіи старообрядч.—С. Быстров. По пути от Бога.—Шалаев. Отцы и дѣти. Л. Абрамов. Из дѣтских воспоминаній.—Церковно-обществ. жизнь.—Разныя извѣстія.—В прилож.: Краткая исторія древне-правосл. церкви.

Редакція просит авторов и издательства присылать книги для отзыва и своевременнаго помѣщенія их в библиографическом отдѣлѣ.
